УДК 81'42
ББК 81.001.3

Елена Валерьевна Парахневич,
ассистент кафедры журналистики,
Волгоградский государственный университет
(Волгоград, Россия), e-mail: parahnevich@mail.ru

Виртуальный дискурс журнала «Путь»: интерактивность и гипертекстуальность

В статье выдвигается гипотеза о том, что философско-религиозный дискурс журнала «Путь» (1925–1940) выступает как дискурс виртуальный, формирующий метареальность русского религиозного сознания первой половины XX века. Также устанавливаются его конститутивные признаки: интерактивность и гипертекстуальность.

Выбор в качестве объекта исследования крупнейшего религиозно-философского журнала эмиграции «первой волны» неслучаен – будучи дискуссионным изданием, в котором ни одно идеологическое направление не являлось доминирующим, «Путь» зафиксировал важнейшие особенности современной ему эпохи, в частности полифоничность мышления и многообразие точек зрения, отсутствие системности идей и мнений, усиление философской рефлексии.

На основе методологических работ исследуется природа понятий «виртуальный дискурс», «интерактивность», «гипертекстуальность» и «интертекстуальность». Анализ особенностей информационного обмена с аудиторией позволяет сделать вывод о существовании симметрии отношений автора и читателя и ярко выраженной диалогичности разных форм (имплицитной и эксплицитной), что, в целом, находит выражение в явлении интерактивности. Фрагментарность религиозно-философского дискурса и нелинейный характер текстов, возможность их прочтения с помощью ассоциативных связей в соответствии с индивидуальными потребностями каждого читателя свидетельствуют о его гипертекстуальности.

Ключевые слова: «первая волна» эмиграции, дискурс, виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность.

Elena Valer'evna Parakhnevich,
Assistant, Department of Journalism,
Volgograd State University
(Volgograd, Russia), e-mail: parahnevich@mail.ru

Virtual Discourse of Journal *Put'*: Interactivity and Hypertextuality

The paper is devoted to a hypothesis that philosophical and religious discourse of the journal *Put'* (1925–1940) is a virtual discourse which forms metareality of the Russian religious set of mind of the first half of the twentieth century. The article investigates its constitutive features such as interactivity and hypertextuality.

The choice of the object of the study is not accidental because the religious and philosophical journal of Russian emigration of 'the first wave' is a debatable journal where none of ideological directions is dominant. *Put'* adequately covers the most important features of the contemporary epoch such as polyphony of mentality and diversity of points of view, the lack of systematization of ideas and opinions and increasing philosophical reflection.

The paper explores the nature of the concepts 'virtual discourse', 'interactivity', 'hypertextuality' and 'intertextuality' on the basis of methodological research. Analysis of communication brings us to the conclusion that relations between authors and readers are symmetric and different dialogic forms (implicit and explicit) are externalized in the phenomenon of interactivity. Fragmentariness of the religious and philosophical discourse, nonlinear texts, and the possibility to read them through associative links in accordance with individual needs of each reader indicate its hypertextuality.

Keywords: the first wave of emigration, discourse, virtuality, interactivity, hypertextuality.

К середине 20-х годов русские эмигранты поняли утопичность своих надежд на падение советского строя и возвращение домой. Если до этого времени они жили ностальгической надеждой однажды вновь обрести «Святую Русь», то теперь они осознали, что возвращение к прошлому невозможно. Перед ними встала непростая

© Е. В. Парахневич, 2013

задача – ассимилироваться в новой среде, сохранив при этом ценности и идеалы родной культуры. При этом, как отмечает Марк Раев, «эмигранты сознательно стремились вести русскую жизнь. Даже попав в чуждое окружение, они хотели жить, работать и творить как неотъемлемая часть России, посланцами которой они себя считали» [18, с. 17]. Это желание в любой ситуации, даже на чужбине, оставаться русскими, в сочетании с тенденцией идеализировать прошлое и отрицать, возможно, положительные последствия революции, не могли не найти отражение в создаваемых ими текстах. Потеряв стабильность, эмигранты искали утешение в религии, ставшей для них неотъемлемой частью менталитета. Однако обращение к вере автоматически означало, что в центре повседневной жизни оказывается институт церкви, что не могло не отразиться в религиозно-философском дискурсе периодических изданий эмиграции, поскольку «смысловая энтропийность журнальных текстов не может существовать “сама по себе”, другими словами, является продуктом некоторых условий своего существования, порождением определённых о них представлений и специфических практик чтения» [12, с. 54].

Согласно научным исследованиям, «русская религиозная философия представляет собой мировоззренческую систему, самобытно интерпретирующую действительность. Её допустимо рассматривать как попытку философской систематизации и обобщения положений церковной теологии и светского мышления. В соответствии с антиномистической методологией пути такого синтезирования могут быть различными, соотношения противоречий в нём изменяются, колеблются, о чём свидетельствует разнообразие конкретных философских построений, относящихся к русской религиозной философии, которые объединяет желание заглянуть в будущее и на основании этого видения обосновать средства и способы достижения социальных целей» [11, с. 82]. Любой медиадискурс, вне зависимости от содержательной направленности, подразумевает субъективное восприятие бытия: несмотря на то, что объективность является одним из главнейших принципов журналистики, публицист искажает фактическую реальность ещё на стадии выбора темы и сбора материала, а анализ данных и размещение их в определённой последовательности в сопровождении собственных комментариев лишь усугубляет это искажение. Что же касается философско-религиозного дискурса, то он фиксирует *идейную* картину мира – т. е. систему *интуитивных* представлений о реальности, осмысливающую мироздание в плане взаимоотношений человека и мира или человека и бога, обобщающего религиозный опыт людей. В одной из предыдущих работ мы уже рассмотрели основные признаки, характерные для религиозно-философского дискурса «первой волны» эмиграции, в частности глубокую взаимосвязь философии и религии, ярко выраженную интертекстуальность, широкий информационный охват, смешение стилей и жанров и размытость дискурсивных границ между разными областями знания [см. подробнее: 16].

Помимо этого, мы считаем необходимым упомянуть аксиологичность философско-религиозного дискурса: его коммуникативная цель заключается в репрезентации духовных – преимущественно христианских – ценностей. А поскольку «ценностное пространство – мир абстракции, который становится осознаваемой реальностью лишь при условии его субъективного толкования, пусть и сопряжённого с соблюдением законов научной интерпретации и проиллюстрированного богатым эмпирическим материалом» [5, с. 7], анализируя дискурс журнала «Путь», нельзя не отметить, что действительность, отражённая на его страницах, сконструирована: одни образы идеализированы, другие демонизированы. События показаны сквозь призму авторских ожиданий, наполнены амбициозным стремлением доказать аудитории свою позицию, предложить свою систему ценностных координат. Потому нам представляется возможным говорить о *виртуальности* данного дискурса.

Стоит оговорить, что понятие «виртуальный дискурс» получил широкое распространение в современной науке, однако практически всегда он употребляется как синоним или «компьютерного», «цифрового» или «интернет-дискурса», т. е. текстов, распространяемых посредством электронных каналов коммуникации. Так, О. В. Лутовинова определяет его как «текст, погружённый в

ситуацию виртуального общения, … ценностями которого являются анонимность, демократичность общения, неограниченная доступность получения информации и завязывания контактов, отсутствие пространственных границ, размывание расстояний и стирание роли временного фактора, свобода самовыражения» [12, с. 46]. Тем не менее, в настоящем исследовании мы будем употреблять данный термин в его первоначальном значении: «пребывающий в скрытом состоянии и могущий проявиться, случиться; возможный» [19, с. 315]. *Виртуальное* в нашем понимании – это нечто, не имеющее объективного существования, где различные содержания взаимодополняют друг друга, становясь неразрывным единым целым. Тем не менее рецепиент воспринимает реальность не как порождение своего собственного сознания, а как явление внешнее, пришедшее извне.

Таким образом, применимо к эмигрантскому журналу «Путь» мы рассматриваем данный термин как дефиницию, обозначающую *реальность, отличающуюся от действительного мира и оперирующую нематериальными понятиями – идеями и образами*. Согласно «Новой философской энциклопедии» под редакцией В. С. Стёпина, «виртуальная реальность – термин, характеризующий особый тип взаимодействия между разнородными объектами (располагающимися на разных иерархических уровнях), а также специфические отношения между ними – порождённости и интерактивности» [15, с. 276].

В качестве конститутивных признаков виртуальности философско-религиозного дискурса мы определяем интерактивность и гипертекстуальность.

На наш взгляд, именно интерактивность медиадискурса является его главнейшей функцией, поскольку заключается в возможности информационного обмена с рецепиентом – потребителем медиаконтента, что, во-первых, даёт редакции объективные данные о реакции аудитории на каждое конкретное высказывании, а во-вторых, позволяет читателю запросить дополнительную информацию или прокомментировать авторские выступление. Таким образом, аудитория получает возможность влиять на редакционную политику (опосредованно или непосредственно), а также адаптировать её под свои вкусы и интересы.

В дискурсе журнала «Путь» интерактивность проявляется в высокой доле *диалогичности*. Диалогичность является неотъемлемым атрибутом любого дискурса, поскольку сам факт создания текста подразумевает у него наличие адресата, определяющего движение авторской мысли. В области же философского общения, где происходит столкновение различных точек зрения, происходит актуализация данной категории. Пожалуй, главная сложность при изучении философского дискурса эмиграции заключается в происходящей деформации канонов философского творчества, когда «философский текст, прежде ассоциировавшийся с прорывом к вечным истинам, становится сиюминутным, апеллирующим к современным реалиям, происходит терминологическое опрощение и смешение стилей и жанров» [8, с. 201]. На наш взгляд, причины данного явления кроются в усилении философской рефлексии и возникшей необходимости авторов находить взаимопонимание. Во многом это обусловлено тем, что если раньше философский текст имел достаточно ограниченную, замкнутую аудиторию, то теперь он обращается к более широкому кругу читателей.

«Первая волна» эмиграции – это время расцвета философской публицистики, представляющей собой «попытку актуализации общественно значимого социально-политического или культурного феномена как повода для отражения в журналистике его содержательных характеристик, важных для осознания момента» [20, с. 56]. Главной особенностью данного периода явился исключительно высокий образовательный и культурный уровень послереволюционных эмигрантов, в частности авторов журнала «Путь», в результате чего разные культурные традиции были вынуждены вступить в непосредственный диалог. Соответственно, любой социокультурный или социополитический феномен находится на грани соприкосновения различных точек зрения, каждая из которых имеет право быть выражена в тексте. Реалии общественной и политической жизни России 1920-х годов только способствовали развитию полифоничности

мышления и многообразию точек зрения. И «Путь», являясь религиозно-философским журналом, представляет собой уникальный опыт дискуссионного издания, в котором ни одно идеологическое направление не является доминирующим.

Вслед за А. Ю. Арутюновой мы считаем уместным выделить два вида диалогичности: внутритекстовый диалог, заданный принципами построения самого текста, и диалог внетекстовый, связывающий данный текст с контекстом [1]. Стоит отметить, что адресат не пассивно воспринимает позицию автора, он равноправный субъект диалога, поскольку философские идеи не принимаются на веру, и их содержание должно быть аргументировано и доказано.

Авторы исследуемого нами медиадискурса часто используют местоимения «мы» и «наш», тем самым подчёркивая общность идей и общность целей, принадлежность к одной культурной целостности, так как одна из главнейших задач журнала, обозначенная в программной статье «Духовные задачи русской эмиграции» – общение с западным духовным миром, объединение с ним во имя борьбы с силами антихристианскими: «*Мы* не можем дольше оставаться замкнутыми и изолированными и *мы* не пользуемся уже покровительством государства. Мы волею Промысла Божьего поставлены в общение с западным духовным миром» [4, с. 7]; «Общество есть некое первичное «*мы*», исконное единство, вне которого нет никаких «я»» [21, с. 15]; «Натуральная свобода, проявляясь в стремлении *нашем* сбросить с себя внешнее определение и принуждение, имеет в виду превратить *нашу* активность в активность *нашего я*, сделать её исходящей из *нашего* внутреннего мира» [7, с. 8]; «У каждой вещи есть отражённая в неё *нами* и ею в *нас* душа. Та, которую *мы* в эту вещь вложили» [13, с. 104].

Любой философский и религиозный текст журнала строится с учётом противоположной позиции, когда автор вынужден просчитывать все возможные реакции своих читателей и вести диалог с реальным либо вымышленным оппонентом, активно используя вопросно-ответную форму обращения, риторические восклицания и вопросы. Статьи журнала «Путь» крайне редко оставались без адресата, как эксплицитного, так и скрытого, узнаваемого посредством аллюзий, реминисценций, цитации.

Итак, адресат мог упоминаться в тексте имплицитно. Это достигалось с помощью различных приёмов:

– вариативных повторов: «Как мы уже говорили», «Как упоминалось ранее»;

– риторических вопросов, восклицательных предложений, однако без непосредственного обращения к читателю: «Великого искусства больше нет. Почему его нет? Вернее, больше нет? Может ли оно быть? Или уже не может? Или теперь не может, в нынешней установке жизни и культуры, и почему не может?» [22, с. 38];

– подтекстовых оценочных аргументов, вынуждающих читателя согласиться с предложенной точкой зрения либо опровергнуть высказанный аргумент: «Надо ли говорить о том, какую ответственность берём мы на себя…» [6, с. 65]; «После всего вышесказанного нельзя не прийти к заключению…» [6, с. 67].

Эксплицитная диалогичность достигается путём выделения особо важной, с точки зрения автора, информации («прошу читателя обратить особое внимание»), а также призывом к совместному действию и предложением читателю составить своё мнение («и автор письма, как и многие другие, понимает…», «читатели, несомненно, видят»).

Ещё один приём, активно применяемый авторами журнала «Путь», – использование не реального, а *виртуального* оппонента («мне могут возразить те, кто…») или единомышленника («со мной согласятся те, кто»). Это позволяет не только яснее сформулировать и уточнить свою позицию, но и создать то, что исследователи называют «иммунитетом» от возможной критики [10, с. 133]. Так, С. Щербатов в уже упомянутой нами статье «Кризис искусства» перечисляет возможные аргументы противников, и затем заключает: «Таковы, в самых общих чертах, главные доводы пессимистов. Место не позволяет мне вступить в их споры с учёными, защищающими более оптимистическую точку зрения. Скажем только, что… каждый из вышеприведенных взглядов может подлежать оспариванию» [22, с. 48].

И эксплицитные, и имплицитные формы диалога имеют одну цель — изменить по-

зицию читателя в нужном для автора направлении, чтобы он смог доказать излагаемые им положения и убедить аудиторию в истинности исключительно своей позиции, а также нейтрализовать предвзятого собеседника.

Таким образом, для статей журнала «Путь» характерна «открытость», приглашение к диалогу или, если воспользоваться терминологией Е. А. Кроткова, диалоговая дискурсивная филофоская аргументация, когда «доводы в диалоговой стилизации обычно формулируются в виде пропозициональных установок, причём автор интерпретирует содержащиеся в них высказывания таким образом, чтобы их смысл можно было либо частично идентифицировать со своей точкой зрения, либо превратить в объект для критики» [10, с. 134].

Следующий уровень диалогичности – внетекстовый, когда автор эксплицитно или имплицитно ссылается на предыдущие дискурсы. Журнал «Путь» с первого же номера стал площадкой для жарких споров, и во многом это было связано с позицией редактора: Н. Бердяев не считал «Путь» выразителем исключительно своего мировоззрения, представляя страницы журнала всем проявлениям творческой мысли. Журнал позиционировал себя как орган всей русской религиозной мысли, поставив своей целью зафиксировать идейную мысль эмиграции во всём её многообразии.

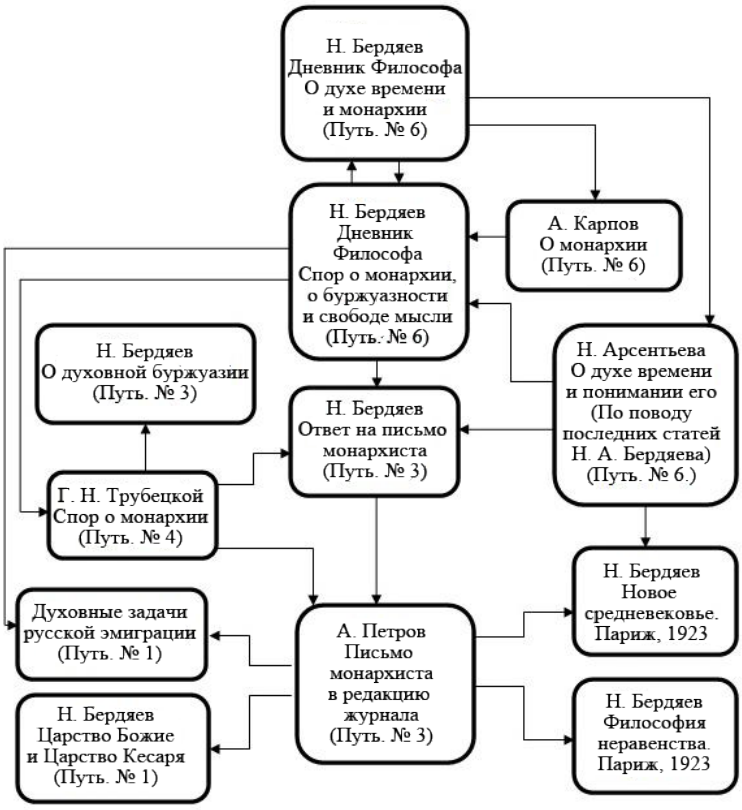
Вообще специфика русской религиозной философии заключается в том, что она не носит характер системы – перед нами конгломерат различных идей и взглядов, она представляет собой целый комплекс воззрений (причём комплекс весьма неоднородный) на особенности российской истории, культуры и менталитета, т. е. демонстрирует не одну, а сразу несколько идей, взаимодополняющих и, главное, коррелирующих друг с другом, когда каждый текст строится как отсылка к другому тексту. Философское знание не поддаётся жёсткому структурированию и не укладывается в линейную систему восприятия. В связи с этим мы считаем возможным говорить о следующем конститутивном признаке виртуального дискурса журнала «Путь» – о его *гипертекстуальности.*

Гипертекстуальность в современной науке понимается как потенциальная возможность нелинейного прочтения текста или текстового единства, состоящего из двух или более текстов. Читатель сам моделирует текст, следуя своему порядку чтения различных его частей с помощью ассоциативных связей.

Так, А. В. Протченко утверждает, что «гипертекстуальность – это текст, расположенный вне другого текста, сочетание двух или нескольких линейных/нелинейных текстов, при этом находящихся не внутри, а во внешнем пространстве относительно друг друга» [17, с. 43]. О. В. Дедова считает, что разница между гипертекстуальностью и близким к нему понятием интертекстуальности заключается в стремлении гипертекста к экспликации имплицитно заложенного смысла, демонстрации связей, вне системы которых он не существует [3, с. 143]. Мы будем придерживаться определения гипертекстуальности, данного А. А. Калмыковым, который понимает гипертекст как «целостный текст, содержащий смыслы, раскрывающиеся при прочтении через произвольную актуализацию связей с другими текстами и с текстом социокультурной реальности в целом» [9, с. 24]. Таким образом, главное отличие понятий заключается в том, что для восприятия интертекстуальных включений читателю необходимы фоновые знания, а гипертекстуальность подразумевает явные гипертекстовые ссылки.

Итак, для возникновения эффекта гипертекстуальности необходимо, чтобы дискурс становился *дискретным*, распадался на целостные, когерентные и логически завершённые отрезки, являющиеся самостоятельными композиционными единицами – в данном случае отдельные публикации.

Журнал «Путь», несмотря на внешний линейный характер развёртывания информации, представляет собой систему перекрещивающихся *гиперссылок* как на внешние, так и на внутренние ресурсы. Каждая помещённая в нём статья связана с другими – как последующими, так и предыдущими. В качестве примера можно обратиться к так называемому «спору о монархии», развернувшемуся в более чем десятке статей, опубликованных в первых номерах журнала. Графически их взаимосвязь показана на *рисунке:*



Авторы, выдвигая свои тезисы, в качестве аргументов приводят ссылки на труды предыдущих публицистов. Поскольку гипертекст предусматривает возможность выбора пути прочтения, читатель может решить, стоит ли знакомиться с вышеуказанными трудами философов или можно ограничиться их пересказом.

Как видно на рисунке 1, нельзя найти отправную точку, идейный центр, ставший началом дискуссии. Линейное чтение становится невозможным, читатель выбирает порядок следования текстов по своему усмотрению.

Примечательно и то, что в данном «споре о монархии» опубликованный хронологически последним бердяевский «Дневник философа» завершается фразой «В этом я вижу не только свою личную миссию, но и единственную достойную миссию интеллектуального, никаких интересов не отстаивающего слоя русской эмиграции, вижу и задачу нашего журнала «Путь»» [2, с. 114], тем самым редактор возвращает нас к самой первой, программной статье журнала «Духовные задачи русской эмиграции», презентовавшей миссию издания. Тем самым композиция замыкается, однако дискурс журнала открыт и незавершён, он может быть дополнен и «дописан» как за счёт редактирования и уточнения своих идей самими авторами, так и путём включения в данное семантическое поле новых чужих высказываний.

Гипертекстуальность позволяет сосуществовать в рамках одного дискурсивного пространства разным мнениям, полемичным и нередко взаимоисключающим друг друга. Читатель же воспринимает все фрагменты как единое целое, но обладающее множеством вариантов интерпретаций. Картина мира, представленная в журнале, становится более полной и завершённой.

В уже упомянутой программной статье, открывавшей первый номер журнала, Н. Бердяев выдвинул три задачи: поддержание связи с «Русской землёй», объединение Востока и Запада и выражение духовных и религиозных задач русской эмиграции [4, с. 3]. Следовательно, в единое пространство оказались включены самые разнообразные философские идеи, тем самым обеспечива-

ющие непрерывность и коллективность получения и распространения общечеловеческого знания. Журнал «Путь» превратился в своеобразную энциклопедию философских и духовных идей эмиграции, что повлекло за собой потребность в удобной системе поиска и навигации, которая и реализовалась в системе гиперссылок. Можно сделать вывод о том, что философский дискурс журнала «Путь» организован по принципу *иерархической связи* с разными фрагментами текста. Это предоставляет аудитории возможность множественного выбора тематического чтения на основе ассоциативных связей, в соответствии с индивидуальными потребностями каждого читателя. Коммуникативное пространство журнала расширяется: гиперссылки позволяют включать в контекст весь опыт русской религиозной и мировой философии.

Итак, мы определили, что философскому дискурсу журнала «Путь» свойственно такое явление, как *интерактивность*, подразумевающая биполярность коммуникации, симметрию отношений коммуникатора и рецепиента и находящая формальное выражение в разных формах диалогичности; а также *гипертекстуальность,* которая характеризуется глобальностью информации, условностью границ дискурса, нелинейностью и фрагментарностью, когда текст состоит из отдельных фрагментов и начать его чтение можно с любого звена, двигаясь в рамках заданных семантических векторов. Вместе они формируют эффект сопричастности аудитории и обладают огромной коммуникативной интенсивностью, формируя *виртуальность* дискурса журнала «Путь».

Список литературы

1. Арутюнова А. Ю. Диалогичность текста и категория связности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 22 с.

2. Бердяев Н. Дневник философа. О духе времени и монархии // Путь. Январь 1927. № 6. С. 110–114.

3. Дедова О. В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М.: МАКС Пресс, 2008. 284 с.

4. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. Сентябрь 1925. № 1. С. 3–8.

5. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века). Новосибирск: Изд-во Сибирского отд-ния Российской акад. наук, 2009. 339 с.

6. Зеньковский В. Кризис протестантизма в Германии // Путь. Январь-март 1934. № 42. С. 56–67.

7. Зеньковский В. Свобода и соборность // Путь. Апрель 1927. № 7. С. 3–22.

8. Ищенко Е. Н. Современный философский дискурс: пространство и границы // Вестник ВГУ, 2003. № 2. С. 195–209.

9. Калмыков А. А. Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ. М.: Изд-во ИПК работников ТВ и РВ, 2009. 84 с.

10. Кротков Е. А. Специфика философского дискурса: логико-эпистемические заметки // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 128–135.

11. Лагунов А. А. Социально-философское определение религии // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. СПб.: Книжный дом, 2008. № 11 (62). С. 82–95.

12. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009. 496 с.

13. Меньшиков Я. Душа вещей // Путь. Июнь 1930, № 22. С. 104–115.

14. Млечко А. В. От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920–1940). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 571 с.

15. Носов Н. А. Виртуальная реальность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2000–2001. Т. 1. С. 276–277.

16. Парахневич Е. В. Журнал «Путь» (1925–1940) и философский дискурс русской эмиграции «первой волны» // Вестник ВолГУ. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Вып. 8. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. С. 115–119.

17. Протченко А. В. Типологические и функционально-стилистические характеристики англоязычного путеводителя: дис. … канд. филол. наук. Самара, 2006. 221 с.

18. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939 / пер. с англ. А. Ратобыльской. М.: Прогресс-Академия, 1994. 295 с.

19. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940. Т. 1. С. 346.

20. Туманов Д. Медиатворчество: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. 177 с.

21. Франк С. Л. Религиозные основы общественности // Путь. Сентябрь 1925. № 1. С. 9–30.

22. Щербатов С. Кризис искусства // Путь. Октябрь-декабрь 1934. № 45. С. 37–56.

References

1. Arutjunova A.Ju. Dialogichnost' teksta i kategorija svjaznosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2007. 22 s.

2. Berdjaev N. Dnevnik filosofa. O duhe vremeni i monarhii // Put'. Janvar' 1927. № 6. S. 110–114.

3. Dedova O. V. Teorija giperteksta i gipertekstovye praktiki v Runete. M.: MAKS Press, 2008. 284 s.

4. Duhovnye zadachi russkoj jemigracii // Put'. Sentjabr' 1925. № 1. S. 3–8.

5. Erofeeva I. V. Aksiologija mediateksta v rossijskoj kul'ture (reprezentacija cennostej v zhurnalistike nachala XXI veka). Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otd-nija Rossijskoj akad. nauk, 2009. 339 s.

6. Zen'kovskij V. Krizis protestantizma v Germanii // Put'. Janvar'-mart 1934. № 42. S. 56–67.

7. Zen'kovskij V. Svoboda i sobornost' // Put'. Aprel' 1927. № 7. S. 3–22.

8. Ishhenko E. N. Sovremennyj filosofskij diskurs: prostranstvo i granicy // Vestnik VGU, 2003. № 2. S. 195–209.

9. Kalmykov A. A. Interaktivnaja gipertekstovaja zhurnalistika v sisteme otechestvennyh SMI. M.: Izd-vo IPK rabotnikov TV i RV, 2009. 84 s.

10. Krotkov E. A. Specifika filosofskogo diskursa: logiko-jepistemicheskie zametki // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2002. № 1. S. 128–135.

11. Lagunov A. A. Social'no-filosofskoe opredelenie religii // Izvestija Rossijskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena. SPb.: Knizhnyj dom, 2008. № 11 (62). S. 82–95.

12. Lutovinova O. V. Lingvokul'turologicheskie harakteristiki virtual'nogo diskursa. Volgograd: Pe-remena, 2009. 496 s.

13. Men'shikov Ja. Dusha veshhej // Put'. Ijun' 1930, № 22. S. 104–115.

14. Mlechko A. V. Ot teksta k tekstu. Simvoly i mify «Sovremennyh zapisok» (1920–1940). Volgograd: Izd-vo VolGU, 2008. 571 s.

15. Nosov N. A. Virtual'naja real'nost' // Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. M.: Mysl', 2000–2001. T. 1. S. 276–277.

16. Parahnevich E. V. Zhurnal «Put'» (1925–1940) i filosofskij diskurs russkoj jemigracii «pervoj volny» // Vestnik VolGU. Ser. 8. Literaturovedenie. Zhurnalistika. Vyp. 8. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2011. S. 115–119.

17. Protchenko A. V. Tipologicheskie i funkcional'no-stilisticheskie harakteristiki anglojazychnogo putevoditelja: dis. … kand. filol. nauk. Samara, 2006. 221 s.

18. Raev M. Rossija za rubezhom. Istorija kul'tury russkoj jemigracii 1919–1939 / per. s angl. A. Ratobyl'skoj. M.: Progress-Akademija, 1994. 295 s.

19. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. M.: Sov. jencikl.; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, 1935–1940. T. 1. S. 346.

20. Tumanov D. Mediatvorchestvo: ucheb. posobie. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2002. 177 s.

21. Frank S. L. Religioznye osnovy obshhestvennosti // Put'. Sentjabr' 1925. № 1. S. 9–30.

22. Shherbatov S. Krizis iskusstva // Put'. Oktjabr'-dekabr' 1934. № 45. S. 37–56.

Статья поступила в редакцию 17.11.2012